

СМИРНОВ
Юрий Владимирович

Начальник выставочного отдела
Музейно-выставочного комплекса
Академии акварели и изящных
искусств Сергея Андрияки

117133, Москва,
ул. Академика Варги, д. 15

Адрес электронной почты:
uryart@yandex.ru

СЛОВО ОБ ОТЦЕ

Владимир Григорьевич Смирнов родился 8 августа 1921 года в Омске. Его отец, Григорий Иванович, был из смоленских крестьян. Многодетная семья жила скудно, и Гришу отдали на воспитание богатому бездетному дяде-купцу. Так он попал в Москву.

Немного я знаю о жизни деда. Слышал, что он получил образование, торговал

и был чуть ли не приказчиком. Затем увлекся революционными идеями, вступил в партию большевиков. После октября 1917 года был комиссаром где-то на Смоленщине – воевал в Красной армии, восстанавливал промышленность.

Бабушка, Августина Павловна Калюкина, происходила из семьи обедневших дворян из города Мышкина на Верхней Волге. В 1917 году поехала на лечение в Петроград, где и познакомилась с будущим мужем.

Видимо спасаясь от голода, семья в 1919 году переехала в Сибирь. Там и родились два сына – Николай и Володя. В 20-е годы Смирновы возвратились в Москву. Дед пошел преподавать уроки труда в школу. Увлечение младшего сына рисованием он считал баловством. Тем не менее Володя занимался в художественной студии Дзержинского района, а в 1937 году поступил на подготовительное отделение Московского областного художественного педагогического училища изобразительных искусств памяти восстания 1905 года. В то время там преподавали В. Н. Бакшеев, превосходный художник-реалист, продолжатель лучших традиций московской школы; П. И. Петровичев, ученик И. И. Левитана и В. А. Серова; С. И. Фролов и другие.

В 1940 году с 3-го курса В. Смирнова призвали на военную службу. Сначала направили на Каспийское море, в город Махачкалу,

В. Г. Смирнов в форме морского пограничника.
Начало 1940-х гг.

В. Г. Смирнов. Река Киржач. 1989 г. Холст, масло. 50 x 60 см. Частное собрание

а 1 июля 1941-го перевели в Кронштадт – рулевым-сигнальщиком на маленький катер.

Отец не любил говорить о войне. Единственный раз мне довелось слышать его рассказ, который постараюсь привести полностью.

В начале войны катер отца в масштабных боевых операциях не участвовал. Главной задачей было сохранить его от бомб противника. Немецкие самолеты делали в воздухе, что хотели, им было не зазорно охотиться и за таким маленьким кораблем. Но опытный капитан умелыми маневрами уводил судно.

Однажды во время очередного налета немецкие самолеты все же разбомбили пристань и катер. Тогда бойцам раздали винтовки, по десять патронов и послали рыть окопы в стороне от дороги. Сказали, что впереди основные части, а моряки лишь прикрывают рубеж на случай прорыва противника. Выстрелов не было слышно, только смотрят – движется по дороге колонна немцев: бронетранспортеры, солдаты строевым порядком... Открыли стрельбу. Десять выстрелов – и винтовкой остается только как дубиной махать. От немецкой колонны отделилась группа автоматчиков и стала поливать безоружных из «шмайсеров». Увидели, что наши бойцы не отвечают, и даже не проверили, остался ли кто живой в окопе. Вернулись в строй и маршем отправились дальше.

Было это на острове Эзель 22 сентября 1941 года. Среди матросов оказался

местный. Лесами и болотами провел к главному городу, а там уже немцы. Так осенью 1941-го отец попал в плен.

Первые два года были ужасны. Лагерь сооружались на скорую руку на территории Белоруссии и Украины. Количество заключенных значительно превышало количество мест в бараках. Кому повезет попасть на ночь в барак, могут поспать, остальные проводили ночь на улице. Кормили мучной баландой наполовину с опилками. Тяжелее всего было зимой. А одежда, особенно у тех,

Пленэр на Академической даче имени И. Е. Репина. 1989 г.

ФОТО (3): ЛИЧНЫЙ АРХИВ Ю. В. СМОРНОВА

кто в плен попал летом, никудашная. Тогда придумали следующее: один свистнет, и вокруг все сбиваются в плотную кучу. Тем, кто в центре, тепло. А с краю терпят, сколько могут, затем начинают разбегаться, чтобы не замерзнуть. Развалится куча, в другом месте свистнут. Так и коротали ночи.

С 1943 года, когда наши войска захватили в плен армию Паулюса, стало несколько легче. Но узники продолжали сильно страдать от голода. Удачей было найти на помойке гнилую картошку или очистки. Тогда залезали на низкие крыши полужемных барачков и на печных трубах кое-как жарили найденное. Немцы относились к этому по-разному. Одни, если заметят, побьют и в карцер посадят, а другие отвернутся, будто не видят.

В лагере отец заболел тифом и попал в госпиталь. Здесь он подружился с будущим детским поэтом Георгием Ладончиковым, который был санитаром. Их дружба продлилась на всю жизнь. Отцу удалось раздобыть бумагу и карандаш и рисовать портреты заключенных. Это выделило его среди других и позволило выжить. Ежедневная смертность в госпитале была высокой, и пайки умерших утром и днем оставались лишними. Их делили между собой санитары и давали другим больным. На всех, конечно, не хватало, но отцу перепало чаще.

В конце войны пленных стали гнать на запад. По пятам шли наши войска. Однажды (наверное, в апреле 1945 года) на колонну налетели советские бомбардировщики. Рядом была заброшенная деревня. Отец и еще несколько человек, воспользовавшись заварухой, шмыгнули в опустевшие дома и затаились. А на следующий день пришли наши.

Хотя отцу удалось бежать из плена, что считалось смягчающим обстоятельством, пятно в биографии осталось на всю жизнь. Годы плена не засчитывались в срок службы, поэтому в 1945–1946 годах он продолжал службу в войсковой части где-то на Урале. В ту воинскую часть собирали бывших военнопленных и проводили проверку, кто как вел себя в плену. Семья же, получившая извещение, что Владимир пропал без вести в 1941 году, по-прежнему не знала о его судьбе.

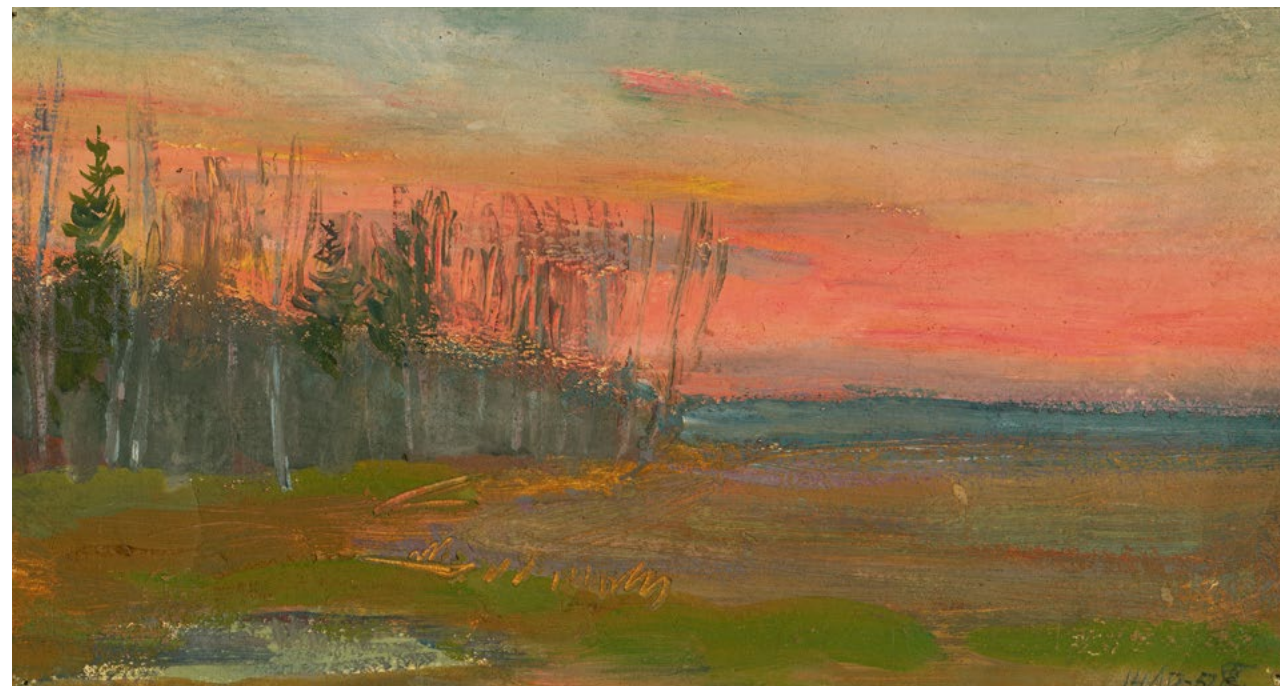
Сохранилось несколько рисунков того времени: «Политинформация», «Солдат играет на гармошке», «Военный ансамбль», «Письмо домой», портреты солдат.

В 1946 году Смирнов демобилизовался и восстановился в Училище памяти 1905 года. Немногие работы этого периода свидетельствуют, как росло мастерство Владимира. Учебные рисунки («Портрет девочки», «Бородатый мужчина», «Мальчишка в фуражке», «Портрет молодой женщины», «Крестьянин, отбивающий косу») показывают, что студент точно схватывал характер, уверенно лепил форму. Портретные этюды и рисунки были проникнуты любовью к изображаемым людям. Задушевный «Портрет бабушки» (1946) передает и скудость тогдашнего быта,

▲ В. Г. Смирнов. В. Зашейн. 1945 г. Бумага, карандаш. 11,5 x 9,5 см. Частное собрание

◀ В. Г. Смирнов. Ели и купавки. 1988 г. Картон, масло. 47 x 37 см. Частное собрание

▶ В. Г. Смирнов. Портрет студента. 1947 г. Бумага, карандаш. 21 x 16 см. Частное собрание

В. Г. Смирнов. Закат. 1951 г. Бумага, темпера, гуашь. 10 x 19 см. Частное собрание

и теплоту семейного очага. Тусклый свет лампы выхватывает лицо и руки пожилой женщины за вязанием. Ее лицо и поза исполнены просветленного смирения.

Оставаясь верным реалистической традиции, Владимир Григорьевич старался обогатить свои работы цветовыми открытиями импрессионистов. Его покорила живопись И. Левитана, К. Коровина, И. Грабаря, С. Жуковского, П. Петровичева и Л. Туржанского. Очень близко оказалось творчество В. Бялыницкого-Бирули (об этом свидетельствуют этюды, сделанные в поездке по Украине с известным художником П. Соколовым-Скалей, и несколько акварелей из поездки по Волге). В портретах Смирнов считал своими учителями Веласкеса (вызывала восторг глубокая лепка формы), Рембрандта и Хальса (восхищали мощные, полные экспрессии пастозные мазки).

В училище отец познакомился со своей будущей супругой – Маргаритой Михайловной Даниловой, учащейся театрально-декорационного отделения. Это был второй брак. Первая жена не дождалась его с войны. Получив специальность художника-педагога, В. Г. Смирнов попал по распределению в подмосковное Нахабино, стал преподавать в школе. Конечно, ему хотелось учиться дальше, но по негласному закону бывшим военнопленным путь в высшие учебные заведения был заказан. Зарплата учителя была невеликой. Чтобы прокормить семью, приходилось брать большую нагрузку. Через несколько лет семья вернулась в Москву, и Владимир Григорьевич стал руководителем изокружков в Кировском и Ждановском домах пионеров. Шесть дней в неделю «разрывался» между двумя работами. Но любовь к живописи не оставила отца, и почти каждый выходной он ездил на этюды.

а если таковых не было – зубной порошок. Часто отец использовал просеянную сквозь мелкое сито печную золу, что придавало грунту приятный пепельный оттенок. Масло из краски сильно впитывалось в грунт. Чтобы избежать сильных прожуханий, мазки надо было наносить очень пастозно. Зато они получались рельефными и приобретали восковую поверхность.

...Этапным событием стала покупка домика в деревне Слободка Загорского (ныне Сергиево-Посадского) района в 1960 году. Владимир Григорьевич очень любил природу, был страстным грибником, мог десятки километров ходить по лесам. Его давняя мечта –

найти укромный уголок, куда еще не проникла современная цивилизация... И вот такой уголок нашелся. Старая русская деревушка, известная по летописям еще с XVII столетия, стояла вдали от дорог, окруженная со всех сторон полями, за которыми возвышался вековой лес. Большинство лучших пейзажей написано отцом в этих местах.

Вдумчиво и с большой любовью В. Г. Смирнов относился к педагогической работе. Летом он брал учеников с собой в деревню. Спали вповалку на террасе и чердаке, а еду готовили сами на земляной печке. Среди учеников был Алексей Суховецкий (ныне – народный художник России, секретарь Союза художников). Многие ученики сделали друзьями. Крепкая дружба связывала отца с известным деятелем культуры Алексеем Червяковым.

Вспоминаются каникулы с отцом и моими товарищами по Московской средней художественной школе в Слободке. Вместе писали этюды акварелью, вечерами рисовали портреты друг друга. В это время отец перешел на работу в издательство, выполнял технические рисунки для «Советской энциклопедии». У нас появилась возможность путешествовать – по Оке, по Волге от Углича до Нижнего Новгорода, по Кавказу и Валдаю. Позже совершили большую поездку по Карелии и Архангельской области. Походными материалами стали акварель, гуашь и темпера (вначале более доступная казеиново-масляная). Это капризная техника: совершенно не кроющие белила, некоторые краски при высыхании темнеют, некоторые светлеют... Первым делом мы заменили темперные белила гуашевыми. Начали использовать и другие цвета. Со временем отец перешел на поливинилацетатную темперу, также смешивая ее с гуашью. Постепенно он достиг в этой технике высокого мастерства. Примером могут служить работы, сделанные в поездке по Алтаю. В них чувствуется полная свобода владения материалом, а некоторая декоратив-

▲
На этюдах.
Конец 1980-х –
начало 1990-х гг.

◄
В. Г. Смирнов. Закат. Весна.
1973 г. Картон, масло.
24 x 38,5 см.
Частное собрание

►
В. Г. Смирнов с учениками.
1950-е гг.

В. Г. Смирнов. Половодье. 1950-е гг. Холст, масло. 27 x 38 см. Частное собрание

ность, неизбежная в темпере, придает работам особую выразительность.

Впоследствии отец вступил в Союз художников СССР. Он смог на позднем этапе жизни полностью отдаться искусству, много путешествовал, общался с коллегами... Сохранилось много портретов, написанных на Академичке. Валентин Борисов удивлялся: «Человеку 70 лет, а он взвалит на плечо громадный этюдник, набитый свинцовыми тюбиками, зонт от солнца, да подрамники подмышку и шагает несколько километров, ища нужный мотив!» Да, крепкая природа!

Но тяжелые жизненные испытания сказались на здоровье. Первый инфаркт отец перенес в 1971 году (осталась пачка набросков, сделанных в больничной палате). Второй инфаркт настиг на этюдах в Каргополе. Он еле добрался до Москвы. Strongly ухудшилось здоровье в 1991-м. Но Владимир Григорьевич все еще старался писать. Называл себя «самым счастливым человеком на свете», потому что занимался любимым делом, «да этим еще и зарабатывал», добавлял он.

Помню последнюю встречу, в больничной палате. Я пришел с маленьким сыном, которого назвал в папину честь Владимиром.

Как же светились отцовские глаза при виде внука!.. А на следующий день отца не стало...

Судьба не дала Владимиру Григорьевичу Смирнову возможности получить высшее художественное образование. Поэтому он не писал сюжетные картины. Зато изображал то, что было близко душе. Любовь к природе, любовь к жизни, изумление перед ее красочным многообразием чувствуются во всех работах отца. Те, кто знал В. Г. Смирнова, восхищались его безграничной добротой и готовностью прийти на помощь. Он оставил светлую память – как человек и как художник.

THE TALE OF THE FATHER

Smirnov Yuriy Vladimirovich

Director of the Museum and Exhibition Complex, Sergey Andriaka Academy of Watercolor and Fine Arts

15 Ul. Akademika Vargi, Moscow 117133, Russian Federation

e-mail: uryart@yandex.ru

